КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Февраля. № 4. 1875 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЗАЩИТА СВЯТОСТИ И ПРАВОСЛАВІЯ КІЕВО-ПЕЧЕРСКИХЪ УГОДНИКОВЪ ВЪ СОЧИНЕНІИ СИЛЬВЕСТРА КОССОВА—«PATERIKON ABO ŻYWOTY SS. OYCÓW PIECZARSKICH» [1]).

Извѣстно, что конецъ XVI и XVII столѣтія были въ литовско-русскомъ княжествѣ временемъ самой ожесточенной религіозной борьбы между различными по вѣрѣ обитателями его и преимущественно между православными, католиками и реформаторами. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, каждая изъ противныхъ сторонъ, стараясь вы-

[1]) Полное заглавіе этаго сочиненія слѣдующее: Paterikon abo żywoty śś. Oycбw Pieczarskich, obszernie słoweńskim językiem przez Swiętego Nestora zakonnika y latopisca Ruskiego przed tym napisany, teraz zaś z Greckich, Lacińskich, Słowieńskich y Ruskich pisarzow obiasniony y krocey podany przez Wielebnego w Bogu oyca Silwestra Kossowa, episkopa Mścisławskiego, Orszańskiego y Mohilewskiego. W Kijowie, w drukarni S. Lawry pieczarskiey. Roku 1635.

ставить на видъ святость и истинность исповѣдуемой ею религіи, усиливалась вмѣстѣ съ тѣмъ подорвать авторитетъ прочихъ вѣроисповѣданій. Отсюда необычайное обиліе въ то время сочиненій религіознаго и преимущественно религіозно-полемическаго характера.

Полемизируя противъ южно-русской церкви, лица, враждебно относящіяся къ православію, не могли не обратить особеннаго вниманія и на то, что составляло видимое сокровище этой церкви,—именно на обиліе въ ея нѣдрахъ нетлѣнныхъ мощей, которые, особенно, во множествѣ почивали (какъ почиваютъ и теперь) въ кіево-печерской лаврѣ. И вотъ въ указанное нами время мы видимъ цѣлый рядъ попытокъ со стороны иновѣрцевъ такъ или иначе лишить русскую церковь означенной святыни. Попытки эти были двоякаго рода. Одни лица (отчасти католики, но большею частію реформаторы) безусловно отвергали святость кіево-печерскихъ угодниковъ, а равно и истинность чудесъ, ими совершаемыхъ. Такъ, напримѣръ, Бопланъ въ своемъ «Описаніи Украины и принадлежащихъ къ ней провинцій» говоритъ, что онъ, посѣщая кіевскія пещеры и разсматривая почивающія въ нихъ тѣла угодниковъ, не нашелъ значительнаго различія между этими тѣлами и египетскими муміями и полагаетъ, что мощи столь долгое время остаются неизгнившими или силою природы, или свойствомъ гробовъ и пещеръ, въ которыхъ они, окаменѣвши, стали сухими». [1]) «Русскіе, писалъ Поссевинъ, хвалятся, что имѣютъ въ цѣлости мощи многихъ замѣчательныхъ лицъ и съ увѣренностію доказываютъ, что при гробницахъ ихъ совершаются чудеса: слѣпые получаютъ зрѣніе, больные здоровье. Но нужно также сомнѣваться въ

---

[1]) Описаніе Украйны, изд. 1832 г., прим. 24.

ихъ святости, какъ и въ истинѣ ихъ мученичества» [1]). Еще болѣе не уважительно относились къ святымъ русской церкви лица реформаторскаго вѣроисповѣданія. Въ собственноручныхъ запискахъ Петра Могилы и Τερατούργημ'ѣ Аѳанасія Кальнофойскаго приводится довольно много случаевъ въ высшей степени возмутительнаго обращенія подобныхъ лицъ съ тѣлами кіевскихъ угодниковъ. Такъ, 1628 года мая 10-го, *кіевскій* бискупъ Богуславъ Бокша Радошевскій, въ бытность свою въ печерскомъ монастырѣ, повѣдалъ Петру Могилѣ, что, «сущу ему (Радошевскому) въ монастырѣ печерскомъ при архимандритѣ Елисеѣ Плетенецкомъ, единъ отъ коморниковъ его, нарицаемый Вольскій, вниде съ иными въ пещеру, и вшедъ не якъ же иніи благоговѣйно сглядаше, но *ругашеся святымъ мощемъ*, за власы терзая ихъ и глаголя: *не суть сіи святіи, но русь мертвыхъ изсушиша тѣлеса на лѣщеніе здѣ приходящимъ*». Когда приставникъ пещерный, благочестивый отецъ Анастасій замѣтилъ поносителю святыни— «не хули, человѣче, ниже ругайся святымъ да не зло тя что постигнетъ, ни единаго бо сице творящаго казнь Божія мимоходитъ, но вскорѣ постигаетъ: во истину бо сіи святіи суть угодницы Божіи, ихъже сія тѣлеса суть»—Вольскій на это отвѣчалъ, что пусть инокъ болтаетъ, что хочетъ: его баснямъ онъ не вѣритъ,—и продолжалъ по прежнему кощунствовать [2]). Подобно Вольскому и другіе «сущіе въ кальвинской ереси», когда имъ, во время посѣщеній печерскаго монастыря, говорили о житіяхъ преподобныхъ отецъ и о нетлѣнныхъ тѣлесахъ, «*смѣяшесь ихъ и хуляше*» [3]).

---

[1]) Antonius Possewinus. De Moskowia, стр. 282.

[2]) Собственноруч. зап. П. Могилы. Τερατουργημα, А. Кальнофойскаго, изд. 1638 г. Append. Cud I. стр. 307—309.

[3]) Собств. записки П. Могилы.

Другая попытка со стороны иновѣрцевъ (собственно католиковъ) лишить русскую церковь означенной ея святыни носитъ совершенно иной характеръ. Не отрицая святости глубоко чтимыхъ русскимъ народомъ кіево-печерскихъ угодниковъ [1]), католики начали пропагандировать, что эти угодники почтены отъ Бога нетлѣніемъ за единеніе съ римскимъ костеломъ и неуклонное слѣдованіе его приказаніямъ... Такое мнѣніе обосновывалось на слѣдующей исторической мистификаціи.

Въ то время, когда была задумана и затѣмъ провозглашена религіозная унія въ литовско-русскомъ княжествѣ, поборники ея іезуиты, а потомъ и сами уніаты, желая подкрѣпить свое нововведеніе авторитетомъ древности, старались доказать религіозное единеніе русской церкви съ западною со временъ весьма отдаленныхъ. Первый высказалъ эту мысль, сколько намъ извѣстно, іезуитъ Скарга. Въ своемъ сочиненіи «O jedności koscioła Bożego pod iednym pasterzem», впервые выданномъ въ началѣ 1577 года, онъ старался доказать, что церковь греко-русская искони была въ подчиненіи у папы и только временно удалялась въ

[1]) Въ Τερατουργημ'ѣ Кальнофойскаго и собственноручныхъ запискахъ П. Могилы находится много фактовъ, подтверждающихъ эту мысль. Такъ, напр., въ 1627 г. панъ Иванъ Пигловскій, *человѣкъ латинскаго вѣроисповѣданія,* вмѣстѣ съ своими воинами, посѣтилъ пещеру св. Антонія, при чемъ *всѣ они видѣли и цѣловали мощи св. угодниковъ и удивлялись особенному смотрѣнію Божію* (Τερατουρ. cud. XXXV). Упоминаемый нами латинскій бискупъ Радошевскій, при посѣщеніи кіево-печерской лавры, говорилъ своимъ приближеннымъ: «иже хощетъ въ пещеру ити, да не восходитъ, аще не имать вѣру—*святая бо мѣста святолѣпно, съ вѣрою посѣщати подобаетъ*».

схизму (т. е. православіе) [1]. Вторымъ виднымъ представителемъ подобной мистификаціи въ литературѣ былъ уніатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй. Въ своемъ «Собраніи правъ» онъ научнымъ образомъ доказывалъ, что южно-русская церковь была въ единеніи съ Римомъ прежде Брестскаго собора и что гражданскія права, которыми пользовались западно-русскіе митрополиты, даны были ей во время этого единенія [2]. Третьимъ замѣчательнымъ произведеніемъ, писаннымъ съ означенною цѣлью, было сочиненіе виленскаго архимандрита (впослѣдствіи епископа смоленскаго) Леонтія Кревзы, изданное въ 1617 году, подъ заглавіемъ: Obrona jedności cerkiewney, abo dowody którymi się pokazuje, iż Grecka Carkiew z Łacińską ma być ziednoczona (Защита церковной уніи или доказательства того, что греческая церковь должна быть соединена съ латинскою). Въ этой брошюрѣ Кревза мысль объ уніи проводитъ чрезъ всю исторію Руси и указываетъ на многихъ русскихъ митрополитовъ, стараясь доказать, что они были послушны папскому престолу [3]. За Скаргою,

---

[1] Подробныя свѣдѣнія объ этомъ сочиненіи можно найти въ книгѣ Rychcickiego—Piotr Skarga i iego wiek, 2 изд. I т. стр. 269 и слѣд.

[2] Литовская церковн. Унія, *Кояловича* т. II. стр. 295. Акты Зап. Рос. т. IV, № 164.

[3] Obrona iedności, часть 3, гл. 2, стр. 55—66. Кревза насчитываетъ до 16 русскихъ митрополитовъ, которые были послушны папскому престолу. Послѣдующіе католическіе и уніятскіе писатели пошли еще далѣе. Такъ напр. Кульчицкій изъ числа древне-русскихъ митрополитовъ только двоихъ считаетъ схизматиками, т. е. православными; всѣхъ же остальныхъ перетягиваетъ въ свой лагерь (Specimen Eccl. Ruth., Praef).

Поцѣемъ и Кревзою слѣдуетъ цѣлый рядъ писателей, развивавшихъ означенную мысль [1]).

Но стараясь, такимъ образомъ, во чтобы то ни стало отнять у православной русской церкви глубоко чтимыхъ ею угодниковъ, католики по отношенію къ своему вѣроисповѣданію поступали совершенно иначе. Сознавая всю важность въ дѣлѣ религіозной пропаганды такихъ краснорѣчивыхъ доказательствъ истинности вѣроисповѣданія, каковы нетлѣніе мощей святыхъ и чудеса отъ нихъ совершающіяся, представители католицизма ревностно начали заботиться о поддержаніи въ народѣ уваженія къ святымъ своей церкви. Особенно ревностно взялись за это дѣло іезуиты. По прибытіи своемъ въ Польшу, они обратили особенное вниманіе на упадавшую въ этой странѣ легендарную область литературы, начавши въ изобиліи снабжать ее сочиненіями въ соотвѣтствующемъ ихъ намѣреніямъ духѣ. За житіемъ Игнатія Лойолы, основателя іезуитскаго ордена, легендарныя сказанія о римско-католическихъ святыхъ появлялись въ Польской Коронѣ, а по тѣсной связи съ нею и въ литовско-русскомъ княжествѣ то и дѣло [2]), и, распространяясь между народомъ съ изумительною быстротою [3]), своимъ

---

[1]) А. Коялловичъ, Болландисты, Цыховій, Стебельскій и др.

[2]) Pismiennictwo pols. Maciejowskiego II, 569 и слѣд. Histor. Liter. pols. Wiszniewskiego VIII, 169 и слѣд.

[3]) Такъ, напр., сочиненіе П. Скарги—Żywoty świętych (впервые изданное въ 1579 г.) еще при жизни автора выдержало *девять* изданій (Piotr Skarga i iego wiek стр. 302). Этимъ произведеніемъ,—говоритъ Скарга въ предисловіи къ послѣднему, при его жизни, изданію означенной книги,—pobożni gospodarze domy swe i stoły okrasili, i duchowni i uczeni wszyscy wóbec na nie łaskawi i ich czytania nie odmiataią (Idem, стр. 312—313).

антиправославнымъ направленіемъ не могли не причинять вреда русской церкви [1]).

Указанное нами направленіе въ иновѣрной литературѣ не могло укрыться отъ бдительныхъ стражей южно-русской церкви и не возбудить въ нихъ серьезныхъ опасеній. И вотъ одинъ изъ сихъ многотщательныхъ стражей достопамятный митрополитъ П. Могила, чтобы дать своей па-

[1]) Чтобы познакомить читателей какъ съ характеромъ чудесъ, изготовляемыхъ іезуитами, такъ и съ тою безцеремонностію по отношенію къ историческимъ фактамъ, до какой доходили въ этомъ случаѣ означенные поборники католицизма,—укажемъ здѣсь на чудеса, которыми будто-бы сопровождалась смерть Кунцевича. Когда, по сказанію католиковъ, изувѣрные каиниты, схизматики, задумали убить Полоцкаго архіепископа Іосафата Кунцевича,—надъ домомъ его показался красный крестъ между черными и красными облаками. Когда безбожные хамы совлекали съ архіепископа одежды,—небо покрыло его чудеснымъ свѣтомъ. Когда, привязавши къ ногамъ жертвы своего изувѣрства веревки, жестокій народъ фотиніанцы влекъ ее къ горѣ,—явилось облако, свѣтъ отъ котораго, въ видѣ столба, сходилъ на святое тѣло. Когда святый пастырь низвергнутъ былъ съ горы,—черныя облака заслонили солнце и настала темнота подобная египетской. Когда мертвое тѣло мученика съ привязанными къ нему камнями брошено было въ Двину,—въ воздухѣ показался свѣтъ, въ которомъ видѣнъ былъ почтенный и свѣтлый мужъ, вмѣстѣ съ свѣтомъ спустившійся на воду, при чемъ утопленное святое тѣло шло по водѣ съ большими каменьями и т. д. (Эти и тому подобныя чудеса, совершенныя якобы Кунцевичемъ, распространялись во многихъ сочиненіяхъ, изданныхъ послѣ его смерти—см. Hist. lit. pols. Wiszniewskiego, VIII. 447—350. Всѣ эти чудеса сгруппированы Кулешемъ въ его сочиненіи Wiara Prawosławna).

ствѣ назидательныя сочиненія въ духѣ православія поручилъ одному изъ своихъ сподвижниковъ Сильвестру Коссову, «отряхнувши пыль, явить міру вѣкамъ утаенныя и скрытыя въ сокровищахъ монастырскихъ житія святыхъ отцевъ печерскихъ»; [1]) а вмѣстѣ съ такимъ обнародованіемъ поручилъ также *опровергнуть и неосновательные аргументы противъ святости и православія сихъ отцевъ и, такимъ образомъ, заградить уста тѣхъ, которые ведутъ непотребную войну съ русскою церковію* [2]).—На послѣднюю часть порученія Могилы, выполненную Коссовымъ въ приложеніяхъ къ изданному имъ патерикону, мы и обратимъ вниманіе [3]).

С. Г—въ.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) См. предисл. къ Paterikon'у.

[2]) См. предисл. къ Τερατουργημ'ѣ

[3]) Приложенія къ патерикону, кромѣ обычнаго въ то время посвященія магнату, состоятъ изъ предмовы (предисловія) до читателя (стр. 1—11), трактата о пятикратномъ крещеніи Руси (11—16) и хронологіи православныхъ русскихъ митрополитовъ отъ св. Михаила до П. Могилы включительно (168—181).—Существуетъ мнѣніе (*Татищевъ*, Ист. Росс. кн. I ч. I. стр. 52, изд, 1768 г. *Новиковъ*, Опытъ истор. словаря, изд. 1772 г. стр. 342, *Болховитиновъ*, Разсужд. о книгѣ прав. исповѣд. стр. 9), что предисловіе къ патерикону сочинено П. Могилою. Не вдаваясь въ подробный разборъ этого мнѣнія замѣтимъ только, что оно не лишено вѣроятности.

КІЕВСКАЯ АРХИТЕКТУРА X—XII ВѢКА [1]).

Рефератъ, читанный на третьемъ археологическомъ съѣздѣ депутатомъ церковно-археологическаго общества при кіевской д. академіи проф. П. А. Лашкаревымъ по вопросамъ:

III.

Какія (судя по остаткамъ древнихъ кіевскихъ церквей) отличительныя черты кіевскаго архитектурнаго стиля X—XII вѣка? По какому плану строились кіевскія церкви того времени, какая ихъ кладка, фасадъ, формы кровельныя, орнаментаціи?

Выдѣливъ остатки первоначальнаго зданія древнихъ кіевскихъ церквей отъ позднѣйшихъ въ нихъ поправокъ, пристроекъ и надстроекъ, я полагаю возможнымъ, на основаніи представляемыхъ этими остатками данныхъ, уяснить, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, отличительныя черты архитектурнаго стиля кіевскихъ церквей X—XII вѣка. Хотя ни одна изъ древнихъ кіевскихъ церквей не сохранилась вполнѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ, за то нѣкоторыя изъ нихъ удержали въ своемъ первоначальномъ видѣ однѣ части, другія—другія. Итакъ:

а) По какому *плану* строились кіевскія церкви X—XII вѣка?—Сличая между собою различные остатки древнихъ кіевскихъ церквей, нельзя не признать, что всѣ онѣ были построены по одному общему плану—византійскому. Въ основаніи этого плана лежалъ такъ называемый византійскій крестъ, въ которомъ болѣе удлиненною стороною была обыкновенно восточная. Надъ центромъ этого креста на

[1]) См. кіев. е. вѣд. 1875 №№ 1 и 2.

четырехъ высокихъ, соединяющихся взаимно арками, столбахъ утверждался куполъ. Но куполъ лежалъ не непосредственно на столбахъ или соединяющихъ верхи ихъ аркахъ. Промежутки между арками восполнялись такъ называемыми парусами; затѣмъ, на образовавшемся такимъ образомъ кругломъ основанiи возводился такъ называемый фонарь и уже послѣднiй завершался куполомъ. Но куполъ и въ этой формѣ давалъ поддерживавшимъ его столбамъ и аркамъ сильный распоръ. Этимъ столбамъ и аркамъ придавались вслѣдствiе этого своего рода упоры. Такими упорами съ восточной стороны служили примыкавшiе къ столбамъ стѣны, дѣлившiя восточное отдѣленiе церкви на три части, заканчивавшiяся тремя полукружiями и завершавшiяся (вмѣстѣ съ послѣдними) полукруглыми, постепенно поднимавшимися до высоты упомянутыхъ арокъ, сводами. Съ другихъ сторонъ такимиже упорами служили другiе подобные же столбы, расположенные симметрически по концамъ и между концами креста и соединенные какъ взаимно между собою, такъ и съ центральными столбами, арками, равно и своды, шедшiе по сѣверному, западному и южному концамъ креста и сливавшiеся съ арками подъ куполомъ. Площадь, занятая такимъ образомъ подъ постройку зданiя, имѣла видъ почти квадратный. Она удлиннялась и принимала видъ продолговатаго прямоугольника, когда находили необходимость расширить вмѣстимость зданiя, увеличить надъ нимъ количество куполовъ или придать ему особыя отдѣленiя. Планъ, вслѣдствiе этого, въ основныхъ чертахъ общiй во всѣхъ церквахъ, получилъ особыя отличiя въ нѣкоторыхъ. Въ самомъ простомъ и основномъ, такъ сказать, видѣ онъ является въ маленькихъ церквахъ, въ Предтеченской и наворотной Лаврскихъ, и въ Успенской на Подолѣ. Каждая

изъ этихъ церквей занимаетъ квадратную площадку, съ четырьмя столбами въ центрѣ, съ тремя полукружіями къ востоку, съ столбами по сѣверному, западному и южному концамъ архитектурнаго креста и по угламъ остальнаго пространства площадки; причемъ промежутки между столбами наружными заложены стѣнами. Такой же планъ имѣла и церковь Васильевская (нынѣ Трехсвятительскяя). Но въ большихъ церквахъ, каковы: Великая Лаврская, Кирилловская, Спасо-берестовская, Золотоверхо-Михайловская, Выдубицко-Михайловская, указанный основной планъ является съ добавленіями. Добавленія эти состоятъ въ присоединеніи къ церкви притвора съ западной стороны и въ устройствѣ какъ надъ нимъ, такъ и по сторонамъ западнаго конца креста хоръ. Въ Великой Лаврской, Золотоверхо-Михаиловской и Кирилловской церквахъ притворъ этотъ имѣетъ видъ продолговатой отъ сѣвера къ югу залы съ коробовымъ сводомъ, концы которой не выступаютъ за линію сѣверной и южной стѣнъ самой церкви; площадь, занятая этими церквами, вслѣдствіе означенной пристройки, только удлиняется. Въ церкви же Выдубицко-Михайловской эта пристройка сѣвернымъ своимъ концемъ переходитъ за линію сѣверной стѣны церкви, оканчиваясь тамъ трехграннымъ выступомъ. Такой формы выступъ зависѣлъ отъ помѣщенія въ означенномъ углу круглой витой лѣстницы, ведшей на хоры и выше хоръ: церковь, стоявшая на возвышеніи у Днѣпра, гдѣ въ древнее время существовала очень удобная переправа черезъ рѣку, могла быть снабжена въ этой части высокою башнею. Такойже выступъ изъ линіи стѣнъ, но уже въ обѣ стороны, былъ данъ разсматриваемой части и въ церкви Спасо-берестовской. Ближайшій мотивъ для этого былъ, очевидно, тотъже—устройство въ югозападномъ углу

притвора башни съ круглою витою лѣстницею внутри. Самая лѣстница не сохранилась; но по круглымъ внутреннимъ стѣнамъ башни, обращенной въ настоящее время въ южный придѣлъ, остались ниши, рядъ которыхъ поднимался по стѣнѣ вслѣдъ за извитіями лѣстницы. Но куда вела эта лѣстница? Въ прежнее время, замѣтивъ углубленіе въ видѣ ниши на наружной стѣнѣ этой башни къ востоку надъ придѣланнымъ къ ней съ этой стороны алтаремъ, я полагалъ, что означенное углубленіе остатокъ двери, ведшей изъ башни на хоры [1]). Но теперь, послѣ ближайшаго осмотра ниши, я убѣдился въ ложности своего предположенія. Ниша оказалась остаткомъ свода, шедшаго отъ этой башни къ востоку и покрывавшаго хоры церковные, если они только были въ этой церкви, безъ всякихъ слѣдовъ какого либо хода на нихъ въ данномъ трактѣ. Башня поэтому, имѣла самостоятельное значеніе, и если расположенная въ ней лѣстница выводила куда нибудь, то развѣ на площадку вверху притвора надъ западнымъ входомъ въ древнюю церковь. Притворъ въ указанномъ мѣстѣ завершается сводомъ, поднимающимся до уровня западной стѣны; но къ востоку отъ него, поперечная стѣна, отдѣлявшая его отъ дальнѣйшаго пространства церкви, поднимается своими полуобрушенными частями далеко выше его свода; причемъ въ обломкахъ этой стѣны ясно замѣтны мѣста древнихъ иконъ. Основаніе, по моему мнѣнію, достаточное для предположенія, что площадка, образуемая общею поверхностію свода, не входила во внутренность церкви, а была остав-

---

[1]) См. статью: *Что осталось отъ первоначальнаго зданія древней кіевской церкви Спаса на Берестовѣ?*—напечат. въ «Труд. кіев. д. ак.» 1867 г. іюль.

лена означенною стѣною внѣ ея, подъ открытымъ небомъ. Наконецъ, еще съ большими добавленіями является основной византійскій планъ въ такихъ главныхъ церквахъ древняго Кіева, каковы Софійскій соборъ и бывшая Десятинная церковь. Въ Софійскомъ соборѣ кромѣ того, что внутренняя его вмѣстимость расширена добавленіемъ къ тремъ обыкновеннымъ алтарнымъ абсидамъ двухъ новыхъ по сторонамъ съ соотвѣтствующимъ удлиненіемъ концевъ креста и устройствомъ хоръ не только между концами, но и по самымъ добавленнымъ съ сѣвера и юга концамъ креста,—притворъ не только предшествуетъ церкви съ запада, имѣя надъ собою, по обычаю, также хоры, но и обходитъ остальное пространство церкви съ сѣвера и юга, имѣя въ былое время надъ собою, по крайней мѣрѣ съ южной стороны, уже открытую площадь, въ родѣ балкона. Площадь эта была затѣмъ расширена и перешла на западную и сѣверную сторону церкви присоединеніемъ къ паперти съ сѣверной, западной и южной стороны еще особой аркады со сводами снизу и открытою же площадью сверху, съ парапетомъ по краямъ этой площади и особыми башнями въ сѣверо и юго-западныхъ углахъ, частію ведшими на эту площадь и хоры церковные, частію имѣвшими и свое независимое отъ этого назначеніе [1]). Въ церкви Десятинной, судя по открытому нѣкогда фундаменту ея, не было добавочныхъ абсидовъ по сторонамъ трехъ обыкновенныхъ; но была, очевидно, паперть, предшествовавшая церкви съ запада, и по всей вѣроятности, такая же аркада съ сѣверной, южной и западной стороны,

---

[1]) Яснымъ признакомъ этого служитъ содержаніе покрывающей стѣны ихъ древней живописи. См. также дневникъ Эриха Ляссоты, 1594 г.

съ открытою площадью наверху, какъ и въ Софійскомъ соборѣ. Объ ней-то, повидимому, и идетъ рѣчь въ извѣстномъ разсказѣ Ипатьевской лѣтописи о послѣдней отчаянной защитѣ кіевлянъ противъ татаръ Батыя у церкви Десятинной. «Людемъ же узбѣгшимъ на церковь и на *комары* церковныя, и съ товары своими, отъ тягости повалишася съ ними стѣны церковныя». Комары эти были едвали внутренніе хоры церкви, или такъ называемыя—*голати*, болѣе удобные для укрывательства безоружнаго народа, чѣмъ для защиты вооруженнаго. Скорѣе это была именно внѣшняя аркада съ открытою площадью и парапетомъ, какая окружала и соборъ Софійскій, и съ какою, судя по словамъ Ипатьевской же лѣтописи, была построена одна изъ церквей въ Галичѣ, приспособленная къ военной оборонѣ. Подъ 1219 годомъ лѣтопись эта говоритъ: «Филя... созда (въ Галичѣ) градъ на церкви святыя Богородица... и возбѣгоша же на комары церковныя, иніи же уже совлачишася; бѣ бо градъ створенъ на церкви. Онѣмъ же стрѣляющимъ и каменіе мещущимъ на гражаны... и пріѣхавшю же Мстиславу, и вдашася ему, и сведени быша со церкви». Расширеніе внутренней вмѣстимости церквей соединялось съ увеличеніемъ числа куполовъ на нихъ. Судя по расположенію древнихъ куполовъ на соборѣ Софійскомъ, они устроялись обыкновенно на столбахъ и аркахъ, наполнявшихъ промежутки между концами архитектурнаго креста, но не надъ самыми концами этого креста. Куполъ поставленный въ настоящее время надъ западнымъ концемъ креста въ Великой лаврской церкви, поставленъ, очевидно, не на своемъ мѣстѣ: подъ нимъ еще ясно видны остатки древняго коробоваго свода, вѣроятно нѣкогда обрушившагося въ данномъ мѣстѣ, но возстановителями церкви принятаго за

основаніе для купола. Купола уменьшались въ размѣрахъ по той мѣрѣ, какъ удалялись отъ главнаго.

б) *О кладкѣ* древнихъ кіевскихъ церквей, рѣзко отличающей ихъ отъ церквей позднѣйшихъ, я уже говорилъ. Въ настоящемъ случаѣ ограничусь только нѣсколькими дополнительными замѣчаніями. Кирпичъ, какъ было сказано, имѣетъ форму плитъ, приближающихся къ квадрату. Но въ разныхъ церквахъ размѣры его нѣсколько различны. Въ церкви Васильевской напр., онъ имѣетъ измѣренія въ длину около 7 вершковъ (10—11 дюймовъ), въ ширину около 5 (8 дюймовъ) и толщину около $^7/_8$ вершка ($1^1/_2$ дюйма); въ церкви Золотоверхо-Михайловской—8 вершковъ въ длину, 7 въ ширину и 1 въ толщину; въ Выдубицко-Михайловской—около $7^1/_2$ въ длину, 6 и $6^1/_2$ въ ширину и около 1 вершка въ толщину и пр. Для полуколонокъ тонкихъ употреблялся особо выдѣланный кирпичъ, полукруглой формы и нѣсколько тоньше употреблявшагося въ стѣны. Разнообразіе размѣровъ кирпича, замѣчаемое иногда въ одной и тойже церкви, зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что въ древней кладкѣ онъ былъ не главнымъ, а дополнительнымъ, такъ сказать, матеріаломъ. Кромѣ него въ кладку стѣнъ, какъ я сказалъ уже, шелъ камень, и притомъ—весьма значительными массами; а главнымъ и преимущественнымъ образомъ—цементъ. Слои послѣдняго, даже съ наружной стороны стѣнъ, превосходятъ обыкновенную толщину кирпича, а иногда, особенно въ пилястрахъ, полуколонкахъ, аркахъ, доходятъ до $2^1/_2$ вершковъ. Внутри же стѣнъ послѣдній размѣръ слоевъ цемента довольно обыкновенный. На этомъ основаніи я считаю цементъ преобладающею массою въ кладкѣ древнихъ кіевскихъ церквей; кирпичъ же плитнякъ употреблялся главнымъ образомъ для того, чтобы придавать возводимымъ

изъ камней и цемента стѣнамъ правильность формъ и обезпечивать за ними правильность осадки. Почему въ мѣстахъ, требовавшихъ болѣе правильной горизонтальной плоскости, какъ напр. въ основаніяхъ арокъ на столбахъ, и т. п., кирпичъ замѣнялся каменными плитами, имѣвшими такія большія размѣры, что края ихъ обыкновенно выступаютъ наружу въ видѣ карнизовъ. Цементомъ, какъ я сказалъ, служилъ щебень изъ кирпича съ известью; но иногда замѣчается въ немъ присутствіе мелкаго угля. Появленіе угля, по моему мнѣнію, должно быть обстоятельствомъ случайнымъ, указывающимъ однако на то, что для раствора извести употреблялся особый составъ, варившійся на огнѣ. Наконецъ, при кладкѣ церквей употреблялись и связи, но не желѣзныя, а деревянныя. Такія связи видны и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ аркахъ Софійскаго собора; одну изъ такихъ же связей я имѣлъ случай видѣть въ древней стѣнѣ Спасо-берестовской церкви, при поправленіи ея въ 1867 г.

в) *Формы фасадныя* въ общемъ были, повидимому, одинаковы на всѣхъ кіевскихъ церквахъ, за исключеніемъ тѣхъ отличій, какія придавались нѣкоторымъ изъ нихъ башнями и аркадами. Сѣверная, западная и южная сторона каждой церкви дѣлилась обыкновенно на нѣсколько частей пилястрами, соединявшимися взаимно вверху дугами. Въ маленькихъ церквахъ, не имѣвшихъ притвора, такихъ пилястръ съ каждой стороны было по четыре; въ бо́льшихъ же церквахъ, имѣвшихъ въ западной части притворъ, число ихъ съ сѣверной и южной стороны увеличивалось по крайней мѣрѣ одною пилястрою. Само собою разумѣется, что въ такихъ нарочито расширенныхъ церквахъ, какъ соборъ Софійскій, число ихъ съ каждой стороны было не менѣе шести и семи. Вообще число ихъ зависѣло обыкновенно

отъ числа отдѣленій, образуемыхъ внутри церкви рядомъ столбовъ или линіями стѣнъ, державшихъ на себѣ своды и купола. Къ пилястрамъ приставлялись иногда полуколонки. Такія полуколонки, кромѣ указанныхъ уже мною на пилястрахъ Васильевской церкви, украшали нѣкогда и пилястры Софійскаго собора, какъ видно, по остатку ихъ на южной стѣнѣ этого собора, выходящей въ настоящее время въ придѣлъ «Страстей Христовыхъ (между правою стороною хоръ и ризницею соборною)». Полуколонками же украшались большею частію алтарныя полукружія и фонари подъ куполами; вслѣдствіе чего, удерживая внутри правильную полукруглую или круглую форму, абсиды и фонари получали снаружи видъ многогранный, съ полуколонками, именно по гранямъ. Что касается формъ оконъ, то самою обычною была та, которую можно видѣть на алтарныхъ полукружіяхъ Кіево-Софійскаго собора. Это были двѣ—три, завершающіяся центромъ. и взаимно одна въ другую углубляющіяся ниши съ просвѣтомъ или безъ просвѣта внутрь церкви. Такія окна шли по фасаду церкви обыкновенно въ два—три ряда, смотря по высотѣ стѣны и высотѣ самыхъ оконъ. Особой формы окна замѣчаются только на церквахъ Васильевской, Золотоверхо-Михайловской и Великой лаврской. О формѣ древнихъ оконъ на церкви Васильевской я уже говорилъ: это—видъ завершающейся полукругомъ и постепенно съуживающейся ниши, образующей въ стѣнѣ просвѣтъ въ родѣ расщелины, въ четверть шириною. Въ церкви Золотоверхо-Михайловской по восточнымъ полукружіямъ и по западной стѣнѣ, равно и по нижнимъ частямъ стѣнъ сѣверной и южной, замѣчаются окна обыкновенной вышеуказанной формы; но въ верхнихъ частяхъ сѣверной и южной стѣнъ (скрытыхъ въ настоящее время подъ кровлею)

сохранились окна формы особенной. Между второю и третьею пилястрами отъ западныхъ угловъ, подъ дугами нѣкогда соединявшими эти пилястры, на обѣихъ стѣнахъ можно видѣть и въ настоящее время высокое, въ видѣ одна въ другую углубляющейся и завершающейся центромъ ниши—окно, и по сторонамъ его какъ бы двѣ части другаго окна той же формы, но болѣе широкихъ размѣровъ. Такія же окна были очевидно на той же высотѣ и между третьею и четвертою пилястрами, т. е. противъ сѣвернаго и южнаго концевъ архитектурнаго креста. Верхняя часть стѣнъ въ этомъ мѣстѣ закрыта въ настоящее время сводами придѣловъ. Но сводъ надъ сѣвернымъ придѣломъ не закрылъ ее вполнѣ, и къ востоку отъ него осталось полуокно означенной формы, заложенное извнутри церкви уже въ позднѣйшее время. Остатокъ подобнаго же тройнаго окна можно видѣть въ верхней части той стѣны Великой лаврской церкви, которая обращена къ церкви Предтеченской и гдѣ въ настоящее время расположена лѣстница, ведущая съ хоръ подъ кровлю [1]). Изъ остальныхъ за тѣмъ особенностей древнихъ фасадовъ кіевскихъ церквей, по моему мнѣнію, заслуживаютъ особаго вниманія красные шиферные карнизы. Осматривая внутренность Софійскаго собора, вы конечно замѣтили, что карнизы такого рода охватываютъ столбы и пилястры и тянутся на стѣнахъ красною лентою по извѣстнымъ, опредѣленнымъ линіямъ. Одна изъ такихъ линій опредѣляется, напр., высотою столбовъ, на которыхъ лежатъ арки, служащія основаніемъ для хоръ, другая—высо-

---

[1]) Окна этого рода замѣчательны тѣмъ между прочимъ, что дали нѣкоторымъ изъ церквей сѣверо-восточной Россіи общую фасадную форму, какъ наиболѣе пригодную для островерхой кровли.

тою такихъ же столбовъ на хорахъ подъ верхними сводами, и пр. Наблюдая алтарныя полукружія того же собора съ внѣшней стороны, нельзя не замѣтить соотвѣтствующее этому употребленіе карнизовъ и по окнамъ снаружи. Почти всюду, гдѣ заканчивается вверху перпендикулярный откосъ окна и начинается завершающая его арочка, выступаетъ изъ откоса красный шиферный карнизъ, выходитъ наружу стѣны и тянется по ней иногда на значительное разстояніе, сливаясь съ подобными же карнизами, выступающими изъ другихъ, лежащихъ на одной съ нимъ линіи, оконъ и перехватывая встрѣчающіяся на пути полуколонки. Подобные же карнизы перехватываютъ верхи столбовъ въ сѣверной и южной аркадѣ собора, и пр. Что такое, а не иное употребленіе карнизовъ не было исключительною фантазіею художника, строившаго софійскій соборъ, а входило вообще въ систему фасадныхъ линій древнихъ кіевскихъ церквей, видно изъ того, что остатки подобныхъ карнизовъ въ такихъ же точно мѣстахъ замѣчаются и на другихъ древнихъ церквахъ. Въ Выдубицко-Михайловской церкви, какъ я замѣчалъ уже, остатокъ такого карниза ясно видѣнъ на одной изъ внѣшнихъ пилястръ тамъ, гдѣ начинается въ ней выемка или что тоже—дуга, соединявшаяся верхъ съ верхомъ другой пилястры. Такіе же карнизы видны въ верхнихъ окнахъ западной стѣны той же церкви; причемъ карнизъ, выступивъ изъ-подъ арочекъ одного окна, тянется иногда, какъ и по алтарнымъ полукружіямъ Софійскаго собора, по простѣнку до другаго окна и сливается съ карнизомъ, выступающимъ изъ-подъ арочекъ послѣдняго. Особенно же хорошо сохранился одинъ подобный карнизъ на древней южной стѣнѣ Золотоверхо-Михайловской церкви. Выступая изъ угловой западной пилястры подъ сводомъ

нынѣшняго южнаго придѣла, карнизъ этотъ тянется, прерываясь только бывшими просвѣтами заложенныхъ тамъ оконъ, по стѣнѣ и пилястрамъ къ востоку, проходитъ сквозь поднимающіеся къ верху своды придѣла и оканчивается уже внутри послѣдняго у пробитаго въ позднѣйшее время пролета въ стѣнѣ. Судя по этому, я полагаю, что красные шиферные карнизы охватывали въ видѣ лентъ прежде всего верхи пилястръ подъ соединявшими ихъ взаимно арками, а затѣмъ, выступая изъ подъ арочекъ оконъ, по линіи этихъ арочекъ опоясывали не разъ стѣны и пилястры всего зданія.

г) Труднѣе всего по перечисленнымъ мною остаткамъ древнихъ кіевскихъ церквей возстановить ихъ первоначальныя *формы кровельныя*. Нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ даются подкровельными частями Софійскаго собора, и состоятъ въ слѣдующемъ. Въ основаніи фонаря надъ главнымъ куполомъ этого собора съ наружной стороны сохранился красный шиферный карнизъ, охватывающій со всѣхъ сторонъ фонарь и служащій въ тоже время основаніемъ для полуколонокъ, идущихъ вверхъ по гранямъ фонаря. Карнизъ этотъ, не предназначавшійся, очевидно, для того, чтобы быть скрытымъ подъ кровлею, возвышается не болѣе, какъ на двѣ-три четверти надъ верхнею частію древнихъ коробовыхъ сводовъ, идущихъ отъ фонаря къ сѣверу, западу и югу. На этомъ основаніи я полагаю, что кровля, покрывавшая эти своды, должна была лежать на нихъ непосредственно, имѣя туже, какъ они, круглую форму, чтобы подходить подъ означенный карнизъ, а не закрывать его. Наблюдая затѣмъ древнія окна какъ въ главномъ, такъ и въ другихъ куполахъ собора,—окна предназначенныя для освѣщенія внутренности церкви, но впослѣдствіи въ значительной мѣрѣ

и числѣ заложенныя, нельзя не замѣтить, что они вообще начинались такъ близко отъ основаній купольныхъ фонарей, что кровля должна была и вообще лежать непосредственно по сводамъ, чтобы оставлять просвѣтъ въ нихъ открытымъ. Тоже нужно сказать и судя по древнему фонарю главнаго купола Михайловской церкви. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ тому же могутъ служить и слѣдующія наблюденія. Всѣ фронтоны, служащіе въ настоящее время опорою для острыхъ двухскатныхъ кровель на нѣкоторыхъ древнихъ кіевскихъ церквахъ, представляютъ собою произведеніе позднѣйшаго зодчества, добавлявшееся по мѣрѣ надобности, именно для поднятія кровель; равнымъ образомъ и прямолинейные верхи стѣнъ, условливающіе существованіе четырехскатныхъ кровель на другихъ церквахъ, образовались или вслѣдствіе разрушенія древнихъ сводовъ или поднятія стѣнъ надъ ними. Между тѣмъ какъ древніе обрѣзы сводовъ по краямъ ихъ надъ наружными стѣнами имѣютъ просто полукруглую форму безъ всякихъ приспособленій къ островерхой кровлѣ. Такими обрѣзами оканчиваются, напр., на древнихъ сѣверной и южной стѣнахъ Софійскаго собора его древніе же своды, идущіе отъ главнаго купола въ ту и другую сторону. Обрѣзъ подобнаго же свода, какъ я замѣчалъ уже, сохранился и на сѣверной древней стѣнѣ Великой лаврской, и рядомъ съ нимъ—даже другой по направленію къ западу. Обрѣзы эти надъ стѣнами и были тѣми фасадными дугами, которыми завершались наружныя пилястры. Судя поэтому, я полагаю, что древнія кіевскія церкви имѣли кровлю многоскатную, съ закругленіями по сводамъ и фасаднымъ аркамъ (обрѣзамъ сводовъ),—приблизительно такую, какая существуетъ, напр., на московскомъ Успенскомъ соборѣ, или какая придана Дмитріевскому со-

бору во Владимірѣ по его возобновленіи. Кровля Софійскаго собора должна была, впрочемъ, выдѣляться изъ ряда другихъ одною особенностію. Какъ купола его постепенно уменьшались по мѣрѣ удаленія отъ центральнаго, такъ понижались по мѣрѣ удаленія отъ центра и его древніе своды, но понижались уступами, причемъ болѣе высокіе (болѣе центральные) своды поднимались своими обрѣзами надъ болѣе низкими въ видѣ выступавшихъ надъ послѣдними дугъ. Получался видъ кровли волнообразной, возвышавшейся уступами къ центру, нѣчто подобное тому, что замѣчается впослѣдствіи на нѣкоторыхъ церквахъ чисто-русскаго стиля (въ родѣ, напр. церкви «Николая Явленнаго» или «Николая въ столпахъ» въ Москвѣ), съ тѣмъ лишь отличіемъ, что на кровлѣ Софійскаго собора представлялись встающими одни надъ другими не только арки, но и купола.

д) *Украшеніемъ* древнихъ кіевскихъ церквей служили мозаика и фресковая живопись. Мозаика, какъ извѣстно, сохранилась въ Софійскомъ соборѣ и Михайловской церкви; фресковая живопись покрываетъ стѣны собора Софійскаго же и открывается по древнимъ стѣнамъ церкви Кирилловской, и пр. Употребленіе украшеній этого рода дѣлало излишними въ древнихъ кіевскихъ церквахъ иконостасы, образовавшіеся вообще на востокѣ съ тѣхъ поръ, какъ искусство стѣнной живописи упало и явилась необходимость замѣнить ее иконами, писанными миніатюрною живописью на деревѣ. Слѣдовъ древнихъ иконостасовъ въ древнихъ кіевскихъ церквахъ доселѣ, поэтому, замѣтить не удалось. Осталось только, какъ говорилъ я, нѣсколько мраморныхъ колоннъ и такихъ же капителей византійской работы при церкви Золотоверхо-Михайловской и въ Лаврскихъ пещерахъ. Есть двѣ такія же колонны и капители и при Со-

фійскомъ соборѣ. Колонны эти могли входить въ составъ такъ называемой алтарной преграды; но вѣроятнѣе—это были колонны алтарныхъ киворіевъ или сѣней надъ престоломъ, безъ которыхъ устройство алтаря въ то время было немыслимо.

П. Лашкаревъ.

Молельная А. Н. Муравьева, комментированная имъ самимъ въ бесѣдѣ съ графомъ М. В. Толстымъ.

(Окончаніе) [1].

«Отъ воспоминаній палестинскихъ перейдемъ къ аѳонскимъ, потому что со святой горы наиболѣе принесъ я священной древности. Малая икона св. Аѳанасія, начальника общежитія аѳонскаго, есть вѣрный портретъ сего подвижника, по сходству съ его ликомъ, какой встрѣчается во многихъ обителяхъ св. горы. Она хранилась въ ковчегѣ со св. мощами, въ великой лаврѣ Аѳанасіевой; епитропы благословили меня сею иконою при посѣщеніи ихъ обители».

«Упомяну о иныхъ аѳонскихъ иконахъ: одна—Матери Божіей, весьма древняя и едва ли не грузинскаго письма, въ серебряномъ окладѣ, пріобрѣтена въ лаврѣ Иверской; другая такъ называемая Триморфіонъ, т.-е. треобразная, (Спаситель съ Богоматерію и Предтечею) была царственнымъ вкладомъ одного изъ Палеологовъ, спасавшихся въ обители Ватопедской; ею меня благословили епитропы сей великой лавры. Еще нѣсколько древнихъ иконъ собрано мною въ разныхъ мѣстахъ св. горы, какъ-то: Архангеловъ и Вла-

---

[1]) См. начало въ 3 №.

жерской Божіей Матери—изъ келій карейскихъ, великомучениковъ Пантелеимона и Димитрія—изъ обители Русика. Я пожертвовалъ сію послѣднюю во вновь устроенную греческую церковь въ сѣверной столицѣ нашей, во имя Димитрія Солунскаго. Икона сербскихъ царственныхъ иноковъ, Симеона и Саввы, получена изъ Хиландарской ихъ лавры».

«Но всѣхъ драгоцѣннѣе, по древности и искусству, двѣ иконы аѳонскія: одна первозваннаго Апостола, писанная на холстѣ поверхъ дерева, дана мнѣ въ благословеніе отъ лица всѣхъ предстоятелей Аѳонскихъ въ Кареѣ, изъ ихъ главнаго собора; другая же дванадесяти апостоловъ, также на доскѣ и холстѣ, по мѣстному преданію, принадлежитъ кисти великаго художника Панселина, который слыветъ Рафаэлемъ Византійскимъ и скончался инокомъ въ лаврѣ Ватопедской, въ 1080 году. Это верхъ искуства иконописнаго, по выраженію лицъ и движенію одежды. Я пожертвовалъ сію драгоцѣнную икону въ новый Румянцовскій музей, устроенный въ Москвѣ, но у меня сохранилась ея хромолитографія весьма отчетливая».

«Въ тойже обители Пантократора, откуда получена мною икона св. апостоловъ, случайно нашелъ я икону Спасителя съ такою надписью на задней дскѣ: «отъ боярина Никиты Романовича Юрьева», т. е. отъ брата царицы Анастасіи и отца патріарха Филарета. Сейчасъ же я послалъ ее великому князю Константину Николаевичу, который не задолго до меня посѣтилъ св. гору, и она хранится въ его домовой церкви Мраморнаго дворца, какъ родовое благословеніе его предковъ.—Была у меня одна фреска аѳонская, снятая кусками со стѣны обители Пантократора, которую нѣкогда великолѣпно расписала кисть другаго Панселина—Солунскаго, жившаго въ XIV вѣкѣ.

Недавно живописцы молдавскіе предложили монашествующимъ обновить яркими красками поврежденную отъ времени живопись Панселинову и сбили старую штукатурку, такъ что отъ нея сохранилось весьма немного. Я слышалъ, что фигура спящаго Спасителя въ младенческомъ возрастѣ, бывшая надъ западными дверями, цѣлымъ кускомъ снесена въ кладовую, и съ трудомъ могъ найти ее тамъ, уже разбитую на четыре части; однако я собралъ и склеилъ что только было возможно, и это составило прекрасную фреску. Я ее также пожертвовалъ въ музей московскій, при моемъ переселеніи въ Кіевъ, изъ опасенія, чтобы не пропала послѣ меня такая драгоцѣнность.

«Сохранилась у меня и память пустыннаго Синая: остатокъ древнихъ его святцевъ, три—мѣсяца: декабрь, январь и февраль, писанныхъ на деревѣ, съ греческими надписями; они были спасены однимъ рускимъ богомольцемъ отъ огня, которому предназначились; судя по живописи, можно отнести ихъ къ X или XI вѣку».

«Вотъ большая икона Крестителя Іоанна, писанная вѣроятно въ XIV вѣкѣ, судя по характеру письменъ на хартіи, которую держитъ: «покайтеся, приближися бо царствіе небесное». Это вѣрная копія съ древней мозаики, которая уцѣлѣла еще изъ Софійскаго храма и доселѣ соблюдается въ патріаршей соборной церкви Царьграда, и вмѣстѣ съ тѣмъ, это есть типъ всѣхъ древнихъ иконъ Предтечи. Патріархъ Цареградскій Константій хотѣлъ дать сію икону, въ числѣ четырехъ, въ походныя церкви нашихъ полковъ, когда въ 1834 году, подъ начальствомъ брата моего (Николая Николаевича), стояли они на берегахъ Босфора, для защиты Оттоманской столицы противъ

Магомета, иначе египетскаго; но такъ какъ перстосложеніе у Предтечи показалось сомнительнымъ, то братъ мой просилъ патріарха прислать иную икону, и Константій отдалъ ее, какъ личное свое благословеніе моему брату. Другая древнѣйшая икона всѣхъ святыхъ сходствуетъ, по своему составу, съ такъ-называемою въ Венеціи Palla d'oro, которая украшала нѣкогда престолъ св. Софіи въ Царьградѣ и перенесена крестоносцами въ базилику св. Марка. Весьма замѣчательно, по своей правильности, именословное перстосложеніе Спасителя на сей драгоцѣнной иконѣ»

«Въ Грузіи нашелъ я еще нѣсколько древнихъ иконъ письма греческаго: одна великаго Антонія, быть можетъ IX вѣка, изящной кисти, пріобрѣтена мною въ пещерной церкви Предтечи. На свиткѣ, который держитъ въ рукѣ преподобный, начертано одно изъ его посланій на греческомъ; перстосложеніе правой руки его самое правильное, именословное, можетъ также обличить нашихъ мудрователей. Небольшая икона св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, съ крестомъ изъ виноградныхъ лозъ, списана съ древняго евангелія, хранящагося въ Сіонскомъ соборѣ Тифлиса».

«Къ древностямъ грузинскимъ относятся еще серебряныя граненыя четки, принадлежавшія, по древнему преданію, знаменитой царицѣ Тамарѣ. Онѣ были найдены въ горахъ Сванетіи, а мнѣ подарены владѣтелемъ Абхазіи Михаиломъ Ширвашидзе, когда вмѣстѣ съ нимъ мы гостили въ Зугдидѣ у владѣтеля Мингреліи Дадіана.—Мраморный крестъ, изсѣченный изъ обломковъ престола древней Закубанской церкви, присланъ мнѣ черкескимъ султаномъ Казы-Гиреемъ, въ память его крещенія, когда онъ обратился въ христіанство. Крестъ же изъ чернаго янтаря, съ бирюзовымъ сіяніемъ, принадлежалъ царямъ име-

ретинскимъ; меня имъ благословилъ въ Кутаисѣ маститый митрополитъ Давидъ, дядя послѣдняго царя Соломона».

«Нѣсколько снимковъ съ древнѣйшихъ образовъ, собственно русскихъ, были для меня списаны изъ различныхъ нашихъ храмовъ. Такъ отъ древняго иконостаса Боголюбскаго собора во Владимірѣ, котораго иконы были проданы въ село Васильевское графа Шереметева, при нелѣпомъ обновленіи монастырскаго храма въ минувшемъ столѣтіи, сохранились у меня копіи четырехъ святителей греческихъ, Божіей Матери и ангела. По мнѣнію художника Подключникова, который очищалъ сіи иконы въ селѣ Васильевскомъ, возвращая имъ древній ихъ видъ,—онѣ могутъ быть приписаны кисти знаменитаго Андрея Рублева, иконописца XIV вѣка. Не уступаетъ имъ въ древности образъ Кирилла Бѣлозерскаго; можно предполагать, что онъ даже писанъ ученикомъ его Діонисіемъ Глушицкимъ, который занимался живописью. Я получилъ эту икону въ благословеніе изъ обители Бѣлозерской».

«Нѣкоторые иконы моей образной, хотя и не древнія, драгоцѣнны однако по своимъ украшеніямъ или по воспоминаніямъ семейнымъ. Образъ Смоленской Божіей Матери Одигитріи, изысканной работы, въ золотой ризѣ съ вѣнчикомъ, усыпаннымъ бирюзой, принадлежалъ фельдмаршалу графу Чернышеву. Знаменіе Богоматери, благословеніе родительское, украшено также крупною бирюзою».

«Достойна вниманія икона, украшенная яхонтами и изумрудами; по семейному преданію Загряжскихъ, она перешла къ нимъ отъ знаменитаго малороссійскаго гетмана Дорошенки, который погребенъ въ ихъ бывшемъ подмосковномъ помѣстьѣ Ярополецъ».

*

«Рукописное Евангеліе старорусскаго письма, съ золотыми узорами въ позлащенномъ окладѣ, подарено мнѣ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ».

«Рѣшившись переселиться въ Кіевъ, посѣтилъ я въ Москвѣ благодѣтеля моего, почтеннаго старца князя С. М. Голицына, за нѣсколько дней до его кончины. Прощаясь со мною, онъ благословилъ меня родовыми своими складнями, Деисусомъ, и, что весьма знаменательно, это случилось 25 января, въ самый день празднованія иконы Богородичной, Утоленія печали, которая изображена на сихъ складняхъ».

«Есть у меня и нѣсколько частицъ древа Креста Господня и св. мощей. При первомъ моемъ посѣщеніи св. мѣстъ, намѣстникъ патріаршій митрополитъ Петры аравійской Мисаилъ, прощаясь, возложилъ на меня крестъ съ частицею животворящаго древа, а во второе мое путешествіе, самъ патріархъ іерусалимскій Кириллъ, въ Царьградѣ, во время литургіи, съ молитвою надѣлъ на меня вторично сіе знаменіе честнаго Креста. Патріархъ антіохійскій Меѳодій, въ Дамаскѣ на пути въ Іерусалимъ, благословилъ меня также крестомъ, съ частицею животворящаго древа, мощей верховныхъ апостоловъ, Златоуста и мученика Харлампія. Отъ царевича грузинскаго Фарнаваза, сына царя Ираклія, получилъ я, въ золотомъ медальонѣ, частицы мощей апостоловъ Андрея Первозваннаго и Іакова брата Господня, а отъ царицы грузинской Тамары частицу мощей св. великомученика Георгія».

«Образъ св. Алексія митрополита, писанный съ подлиннаго его портрета, который находится въ кельяхъ архіерейскихъ Чудова монастыря, былъ мнѣ данъ въ благословеніе митрополитомъ Филаретомъ и въ рѣзную раму его

вставлена частица мощей святителя. Я пожертвовалъ сей образъ князю Абамелеку для храма, который сооружался во имя московскаго чудотворца на пермскихъ заводахъ, усердіемъ Лазаревыхъ. И теперь еще хранятся у меня, въ большой позлащенной иконѣ св. Антонія и Θеодосія, мощи преподобныхъ Печерскихъ, коими лавра благословила нѣкогда фельдмаршала графа Чернышева».

«На иконѣ Казанской Божіей Матери виситъ еще золотой крестъ съ частицею животворящаго древа, принесенный изъ Іерусалима. Посмотрите наконецъ на икону апостола Андрея Первозваннаго, украшенную богатымъ окладомъ, которая стоитъ отдѣльно въ изящномъ рѣзномъ кивотѣ. Это драгоцѣнная для меня память многихъ пріятелей, которые принесли мнѣ ее въ даръ, въ день моего ангела, вырѣзавъ на бронзовой доскѣ свои имена. Въ числѣ подписавшихся и бывшій князь сербскій Михаилъ Обреновичъ, столь несчастно погибшій, котораго я тогда руководилъ по святынѣ московской. Апостолъ представленъ водружающимъ крестъ на горахъ кіевскихъ, и онъ созерцаетъ на небѣ будущее орудіе своего страданія, крестъ изъ красныхъ яхонтовъ. На богатомъ сіяніи вокругъ его главы, иной крестъ изъ изумрудовъ, который вѣроятно сіялъ на клобукѣ кого-либо изъ древнихъ святителей нашихъ и былъ мнѣ данъ въ минуту прощанія, праведнымъ мужемъ, бывшимъ нижегородскимъ епископомъ Іаковомъ. На персяхъ апостола виситъ медальонъ съ дорогимъ яхонтомъ, даръ послѣдней грузинской царицы Маріи, скончавшейся въ Москвѣ. Внутри его хранятся: частица отъ руки Первозваннаго апостола, находящейся въ Успенскомъ соборѣ, часть мощей мученицы-царицы Кетевани кахетинской, которую мнѣ дала, при своемъ свидѣтельствѣ, царица Марія, бывшая наслѣд-

ницей ея престола; тамъ же и часть отъ животворящаго Креста Господня, присланнаго нѣкогда императоромъ Константиномъ Великимъ первому христіанскому царю Грузіи, Миріану, просвѣщенному святой Ниной. Послѣдній же изъ старшаго дома карталинскихъ царей, князь Георгій Александровичъ Грузинскій, удѣлилъ мнѣ частицу отъ сего креста, которую какъ драгоцѣннѣйшее сокровище вложилъ я въ завѣтный медальонъ послѣдней царицы Грузіи».

Такъ описывалъ свои священныя сокровища А. Н. уже больной, но еще бодрый духомъ, въ послѣдней бесѣдѣ со мною, 7 августа.

Кому достанется и сохранится ли для потомства это единственное въ своемъ родѣ собраніе предметовъ святыни и древности? [1]).

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ КІЕВА И КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ.

О необходимости въ Кіевѣ начальныхъ школъ *Другъ Народа* (№ 1) разсуждаетъ такъ: «Нужно удивляться, какъ можетъ существовать въ нашемъ богоспасаемомъ Кіевѣ такое множество шинковъ и откуда эти заведенія получаютъ столько средствъ, что могутъ дать шинкарямъ возможность безбѣдно существовать съ своими семействами, да кромѣ того получать хотя малые барыши, безъ которыхъ они, по всей вѣроятности, не стали бы заниматься ремесломъ крайне безпокойнымъ, а иногда и не безопаснымъ.

---

[1]) Послѣдняя воля Андрея Николаевича состояла въ томъ, чтобы его молельная была передана въ кіевскую церковь Андрея Первозваннаго. Но эта воля, выраженная словесно, можетъ осуществиться только въ томъ случаѣ, если ее подтвердятъ своимъ согласіемъ наслѣдники А. Н.

Не трудно однако разгадать эту не мудреную задачу. Наши захолустные кварталы заселены преимущественно ремесленнымъ и рабочимъ людомъ, который, къ крайнему сожалѣнію нужно признаться, трудится почти исключительно для содержанія шинковыхъ заведеній. Чтобы убѣдиться въ истинѣ нашихъ словъ нужно только повнимательнѣе присмотрѣться къ жизни рабочаго человѣка. Не имѣя никакого образованія, не зная никакихъ умственныхъ интересовъ, не чувствуя часто никакой привязанности къ своему домашнему очагу, онъ все время свое или потѣетъ на работѣ, или отдаетъ свой короткій досугъ кабаку и его безобразіямъ. Пойдите въ лукьяновскій кварталъ, населенный преимущественно ремесленными людьми, занимающимися ремесломъ у себя дома, или отправляющимися на работу въ городъ, и вы увидите тамъ дивныя вещи. Однодневная перепись, произведенная въ началѣ истекшаго года, показала, что въ этомъ кварталѣ 535 домовъ, съ 7,367 жителей и съ 73 шинками, такъ что одинъ шинокъ приходится на сотню жителей, изъ которыхъ взрослыхъ, т. е. пьющихъ горькую чашу, едва можно насчитать 50 человѣкъ и эти 50 человѣкъ содержатъ шинокъ».

«Кіевскій рабочій въ большинствѣ случаевъ тотъ же нищій, только не протягивающій руку, а мозолящій ее трудомъ для пользы шинка»...

«Такой печальный фактъ можно объяснить только крайнимъ невѣжествомъ, которое съуживаетъ горизонтъ умственной жизни нашего ремесленника до удовлетворенія только животныхъ потребностей, а еще болѣе его ненасытной жажды самоотравленія водкой. Чѣмъ же лѣчитъ Кіевъ такую общественную болѣзнь? Самоуправленіе наше дало много новыхъ полезныхъ учрежденій Кіеву: мы получили газовое

освѣщеніе, водопроводы, городскую почту и много, много хорошаго. А спрашивается: что сдѣлано у насъ для образованія темныхъ массъ кіевскаго населенія? Просвѣщенное городское управленіе правда затрачивало, сверхъ обычнаго содержанія семи приходскихъ училищъ, учрежденныхъ въ въ 1809 и 1840 г., еще по нѣсколько тысячь рублей въ годъ на пособіе нѣкоторымъ любителямъ народнаго просвѣщенія, содержавшимъ прежде свои школки частными благотвореніями; но мы далеки отъ мысли, что Кіевъ вообще имѣетъ достаточное количество начальныхъ училищъ для образованія всей массы своего населенія. Въ Кіевѣ по послѣдней переписи числится до 126,000 жителей и на эту массу населенія приходится всего едва десятокъ элементарныхъ школъ, существующихъ болѣе или менѣе на прочныхъ основаніяхъ; значитъ одна школа приходится только на двѣнадцать тысячь жителей. Цифра, можно сказать, ничтожная, въ особенности если мы пріймемъ во вниманіе, что во всѣхъ благоустроенныхъ городахъ Европы школа приходится едва ли не на каждые триста человѣкъ и что поэтому въ Кіевѣ необходима въ данную минуту по малой мѣрѣ сотня элементарныхъ школъ... Въ Петербургѣ введено обязательное обученіе. Полагаемъ, что и Кіеву, этому первоначальнику русскаго просвѣщенія, пора бы подумать о введеніи этой важной мѣры».

Борьба школы съ шинкомъ. *Кіевскія губ. вѣдомости* сообщаютъ слѣдующее: «Въ Радомысльскомъ уѣздѣ существуетъ село Соловьевка, которое можно было считать селомъ грамотнымъ еще въ то время, когда—лѣтъ пятнадцать тому назадъ—во всемъ юго-западномъ краѣ сельскихъ школъ не было почти и въ поминѣ. Стараніями

крестьянина И. Устимчука въ ней организована была сельская школа, въ которой ежегодно обучалось до 40 мальчиковъ. Грамота дѣтямъ далась хорошо—и родители были вполнѣ довольны и отдавали дѣтей въ школу охотно. Еще и теперь, послѣ смерти Устимчука, въ селѣ наберется десятка два лицъ, не только вполнѣ грамотныхъ, но, такъ сказать, состовляющихъ интеллигенцію Соловьевки. Устимчукъ, какъ истый любитель не только грамоты, но и церковнаго пѣнія, потрудился еще не мало для этого послѣдняго дѣла и принесъ много добра приходской церкви. Онъ составилъ изъ учениковъ отличный хоръ, выучилъ ихъ нотному пѣнію, устроилъ на свои собственныя средства въ приходской церкви обширные хоры, завелъ для пѣвчихъ, также на свои средства, черные сюртуки съ галунами... Словомъ, старался всѣми зависящими отъ него средствами развить въ ученикахъ и остальныхъ жителяхъ любовь къ дѣлу, сплотить ихъ, положить прочное основаніе своему предпріятію. И нужно сказать—достигъ своей благой цѣли, такъ какъ память Устимчука хранится среди крестьянъ—и нынѣшняя церковно-приходская школа есть не что иное, какъ хорошее продолженіе прежней. Держится она стараніями и усердіемъ мѣстнаго приходскаго священника Е. М. Кобылковскаго. Соотвѣтственно времени и потребностямъ, въ ней измѣнилось и число учащихся: теперь ихъ 95 человѣкъ, въ томъ числѣ 85 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ. Какъ тѣ, такъ и другія обучаются гражданской и церковной печати, письму, счисленію, а мальчики обучаются еще пѣнію. Успѣхи учениковъ, благодаря заботливости священника, не оставляютъ пока требовать ничего лучшаго; въ какіе нибудь шесть, семь мѣсяцевъ дѣти успѣваютъ выучиться довольно бѣглому чтенію, пишутъ недурно подъ диктовку рѣшаютъ несложныя

задачи на четыре ариѳметическія дѣйствія, знаютъ молитвы и могутъ разсказать не мало изъ ветхаго завѣта. Но школѣ приходится бороться съ другимъ представителемъ нашей жизни—шинкомъ. Такъ не давно еще (въ концѣ прошлаго года) громада, предводительствумая и. д. старосты М. Д—о, задумала было обратить помѣщеніе школы въ «громадскій шинокъ». Толпа, падкая на такія предложенія, загудѣла уже было «добрэ» и постановленіе готово было состояться; но почтенный отецъ Е. отстоялъ цѣлость школы».

Числовыя данныя перваго набора въ Кіевѣ въ *Новомъ Времени* (№ 19) опредѣляются такъ: «Общее число молодыхъ людей, которые должны были вынимать жребій по двумъ призывнымъ участкамъ г. Кіева,—583. Изъ этого числа призывныхъ льготами воспользовались по семейному положенію: по 1-му разряду—104 человѣка, по 2-му—25 и по 3-му—4. На дѣйствительную службу принято 121, изъ которыхъ лично поступило 118, а 3 представили за себя зачетныя рекрутскія квитанціи. Поступившіе на службу по сословіямъ распредѣлялись такъ: дворянъ 13, мѣщанъ 80, изъ духовнаго званія 12, изъ солдатскихъ дѣтей 10 и изъ крестьянъ 2. Такимъ образомъ, дворянство дало слишкомъ 10% новобранцевъ. Что касается грамотноти новыхъ солдатъ, то мы имѣемъ слѣдующія данныя. Изъ лицъ, поступившихъ на службу, 15 получили образованіе въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 39 умѣютъ читать и писать, а 21—малограмотные; остальные 43 вовсе неграмотные. Такимъ образомъ, мы имѣемъ неграмотныхъ около половины всего числа принятыхъ на службу. По вѣроисповѣданію, новобранцы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: православныхъ 115 и католиковъ 3. Женатыхъ

принято 10. Получили отсрочки: для окончанія образованія 39 и по слабому тѣлосложенію на основаніи 44 ст. устава 14. Затѣмъ, зачислено въ ополченіе 190 и 155 оказались неявившимися къ призыву. Изъ евреевъ призывныхъ было 12 человѣкъ».

Общественная благотворительность въ Кіевѣ (по сообщенію тойже корреспонденціи) «избрала предметомъ своего попеченія, главнымъ образомъ, молодое поколѣніе нашихъ бѣдныхъ классовъ. На дняхъ опубликованъ уставъ кіевскаго общества дневныхъ пріютовъ для дѣтей рабочаго класса. Цѣль этого общества—присматривать за дѣтьми во время оставленія ихъ родителями, когда послѣдніе уходятъ на работу. Починъ основанія его принадлежитъ нашимъ дамамъ-благотворительницамъ. Въ дѣйствительные члены принимаются исключительно лица женскаго пола со взносомъ 6 руб. въ годъ, почетными членами и членами-соревнователями могутъ быть и лица мужскаго пола, вносящіе единовременно 300 руб., ежегодно 100 р. Пожелаемъ этому обществу всего хорошаго, такъ какъ ему предстоитъ много работы, въ особенности на окраинахъ города, наполненныхъ сверху до низу самымъ нищенскимъ рабочимъ людомъ».

Число учащихся въ кіевской губерніи, по сообщенію *Губернскихъ Вѣдомостей* въ минувшемъ году возрасло довольно замѣтно: къ началу 1874 года ихъ было 54720, нынѣ ихъ считается до 57140 человѣкъ.

Къ статистикѣ браковъ въ Кіевѣ. *Русскій Міръ* (№ 18) сообщаетъ слѣдующія цифры для сравненія брачной интенсивности въ Кіевѣ и другихъ городахъ:

Въ	Кіевѣ 1 бракъ приходится на	86	жителей.
»	С-Петербургѣ . . . . . »	160	»
»	Москвѣ . . . . »	204	»
»	Казани . . . . »	118	»
»	Нижнемъ Новгородѣ . . . »	111	»
»	Одессѣ . . . . »	87	»
»	Ригѣ . . . . »	116	»
»	Харьковѣ . . . . »	99	»
»	Берлинѣ	103	»
»	Вѣнѣ	118	»
»	Парижѣ	99	»

Говоря другими словами, для жителей Кіева вѣроятность вступить въ брачное состояніе вдвое болѣе, чѣмъ для жителей Петербурга. Любопытно было бы провѣрить этотъ выводъ метрическими книгами Кіева.

Отчетъ о присужденіи медалей. (*Совр. извѣст.* № 20). 8-го января, въ годовомъ собраніи русскаго географическаго Общества былъ прочитанъ слѣдующій отчетъ о присужденіи медалей. *Малая золотая медаль* присуждена дѣйствительному члену юго-западнаго отдѣла П. П. Чубинскому за собранные имъ въ этнографической экспедиціи въ юго-западный край матеріалы и произведенныя изслѣдованія, представляющія весьма важное пріобрѣтеніе для науки не только по своему объему, но и по содержанію. *Серебряныя медали* присуждены: дѣйствительному члену юго-западнаго отдѣла А. В. Клоссовскому, за собраніе и приведеніе въ порядокъ метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ Кіевѣ разными лицами въ теченіе 48 лѣтъ и напечатанныхъ въ первомъ томѣ *Записокъ* юго-западнаго отдѣла; дѣйствительному члену юго-западнаго отдѣла А. А. Руссову за статью его, напечатанную въ

Запискахъ отдѣла, о бандуристѣ Остапѣ Вересаѣ и за записаніе отъ него думъ и пѣсенъ.

Старецъ Іона. Въ 3 № *Гражданина* чатаемъ слѣдующее: «Очень немного лѣтъ тому назадъ, вблизи Кіево-печерской лавры и совсѣмъ о бокъ другаго историческаго кіевскаго монастыря Выдубицкаго, на небольшой земелькѣ, подаренной покойною супругою покойнаго кіевскаго генералъ-губернатора Илларіона Илларіоновича Васильчикова, княгинею Екатериною Васильчиковою (рожденною княгинею Щербатовою), поселился іеромонахъ Іона. Сначала этотъ сторецъ построилъ здѣсь себѣ келейку; около келейки образовался скитокъ; изъ скитка сдѣлался скитъ, а нынѣ уже стоитъ цѣлый монастырь съ каменною церковью, братскими келіями, и проч. У старца Іоны его далекій монастырекъ полонъ самаго пестраго народа, и вы подивитесь, въ какомъ хорошемъ духовномъ возбужденіи остаются здѣсь эти люди! Они или читаютъ «*іонины листы*», (онъ каждому даритъ листокъ простыхъ поученій) или передаютъ другъ другу что онъ кому изъ нихъ сказалъ и разсуждаютъ: какъ это идетъ къ дѣлу? У старца Іоны всегда превосходно правится чинное богослуженіе: всѣ видятъ, что братія его маленькаго монастыря живетъ строго, богомольцамъ нравится, что ни одинъ изъ чернецовъ Іонина скита не прогуливается, или по здѣшнему выраженію «не мандруетъ», а всѣ они молятся, или работаютъ, *не дѣлая ни одного шага за монастырскую ограду*. А что всего главнѣе, это конечно, нравится самъ старецъ Іона, котораго народъ *ежедневно видитъ съ утра до ночи*. Когда ни придите, лѣтомъ старецъ въ своемъ нанковомъ балахончикѣ (такомъ же какъ у послѣдняго его послушника) стоитъ на порогѣ своей келіи и говоритъ съ кѣмъ нибудь изъ захожихъ бѣдняковъ.—Каждый

подходитъ къ нему и открываетъ ему свою нужду, свою тѣсноту и скорбь, свои язвы душевныя, свои семейныя недоразумѣнія. Терпѣливый старецъ разсуждаетъ съ каждымъ и каждому умѣетъ дать полезный совѣтъ.

Къ старцу Іонѣ приходятъ изъ разныхъ мѣстъ приходскіе священники и, высказывая ему жалобы на повсемѣстно замѣчаемое охлажденіе людей къ церкви, просятъ у него совѣтовъ. Старецъ Іона передавалъ мнѣ объ этихъ священникахъ, приблизительно, слѣдующее:

— «Много ихъ слушаю, а говорю имъ одно: не живите особняками отъ народа, а живите такъ, чтобы знать каждаго прихожанина и бытъ его домашній, и огорченія. Раздѣлите прихожанъ на частички, человѣкъ по десяти, по пятнадцати, и пусть каждое такое отдѣленіе къ вамъ въ домъ по очереди приходитъ въ вечернее время. Учите ихъ тутъ у себя на дому слову Божію и добродѣтели терпѣливо, нелѣностно и просто. *Какъ можно проще, чтобы понятно было*. Пускай они вамъ свое горе и обиды, отъ кого случилось получить, разскажутъ и другую всякую тѣсноту откроютъ; а вы потомъ обидчика къ себѣ позовите; а не пойдетъ онъ къ вамъ, сами къ нему не гордясь подите, да переговорите за обиженнаго, да попросите,—вотъ и будете *своя отъ своихъ* и станете пастырями».

— «Слушаютъ, добавлялъ старецъ, «во всемъ будто соглашаются и, идутъ, чтобы такъ дѣлать, а уже дѣлаютъ ли потомъ такъ,—не знаю».

Кіевскіе городскіе выборы. Въ засѣданіи думы 4 февраля 53 голосовъ противъ 12 избранъ кіевскимъ городскимъ головою профессоръ кіевскаго университета К. А. Митюковъ. Составъ управы опредѣлился такъ: Ѳ В. Ивансенъ, (старшій членъ), П. А. Плотниковъ, Н. Т. Хряковъ, В. Т. Сливчанскій, и Савицкій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ книгопродавца С. И. Литова. Кіевская духовная академія въ память своего юбилея (28 сентября 1869 г.) вновь издала древнее сочиненіе въ защиту православія противъ латинства и уніи подъ заглавіемъ: **«Апокрисисъ Христофора Филарета и исторія Флорентійскаго Собора».**

Сочиненіе это переведено на современный русскій языкъ, обставлено ученымъ предисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ и представляетъ собою большой томъ свыше 600 страницъ. Весьма важное научное богословское и историческое значеніе этого изданія раскрыто въ рецензіяхъ на Апокрисисъ, помѣщенныхъ въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, Воскресномъ Чтеніи и Виленскомъ Вѣстникѣ.

Цѣна этого изданія, пріобрѣтеннаго нами въ свою собственность, съ пересылкою *три руб.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться въ книжные магазины Степана Ивановича *Литова*—въ *Кіевѣ* на Крещатикѣ въ собственномъ домѣ, въ *Каменецъ-Подольскѣ* на главной улицѣ и въ *С.-Петербургѣ* на малой Садовой въ домѣ *Армянинова*, а также—въ редакцію *«Трудовъ кіевской духовной академіи»*.

ОТЪ ВАЛУЙСКАГО ГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО БАНКА ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Валуйскій Городской Общественный Банкъ имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что онъ открываетъ

свои дѣйствія съ 1-го января 1875 года ежедневно отъ 10 до 1 часа.

Банкъ будетъ производить слѣдующія операціи:

1) Пріемъ вкладовъ; 2) Учетъ векселей; 3) Ссуды подъ разнаго рода залоги, и 4) Вклады на храненіе.

Вклады банкъ принимаетъ для обращенія изъ процентовъ отъ присутственныхъ мѣстъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, отъ должностныхъ всѣхъ вѣдомствъ и частныхъ всѣхъ сословій лицъ, находящихся въ г. Валуйкахъ и другихъ городахъ имперіи а также капиталы принадлежащіе монастырямъ, церквамъ, городскимъ, сельскимъ и акціонернымъ обществамъ.

Вклады принимаются отъ вкладчиковъ лично и чрезъ почту, или на неопредѣленное время, т. е. до востребованія, или на сроки.

На вклады банкъ платитъ слѣдующіе проценты: на безсрочные, если вкладъ будетъ въ банкѣ не менѣе 6-ти мѣсяцевъ—по 6% на рубль въ годъ, на срочные отъ одного до трехъ лѣтъ 6½%, отъ 3-хъ до 12-ти лѣтъ—7%. Сверхъ того банкъ, на основаніи банковаго положенія, открываетъ пріемъ вкладовъ на вѣчное время съ выдачею процентовъ по семи съ половиною копѣекъ въ годъ. Покупаетъ и продаетъ процентныя бумаги.

Печатать дозволяется 18 Февраля 1875 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.

Тип. аренд. С. В. Кульженко.